

УДК 101.1:316

К проблеме социально-философского исследования консерватизма в контексте современной научной методологии

Е. В. Григоров

Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул

Аннотация. Статья посвящена методологическим проблемам исследования консерватизма, связанным с близостью классической научной рациональности и либеральной идеологии. Автор предполагает, что научное исследование консерватизма и других нелиберальных концепций приводит к их либерализации. Делается вывод, что современный постнеклассический этап развития науки позволяет значительно расширить круг допустимых методов исследования консерватизма и более адекватно отразить его специфику.

Ключевые слова: методология, классическая и постнеклассическая рациональность, конструктивизм, консерватизм, социально-философское познание.

Консерватизм как объект исследования предполагает рассмотрение методологии на трех взаимосвязанных уровнях. Первый уровень составляют общенаучные методологические концепции, бурно развивающиеся в рамках философии науки. Результаты, достигнутые этим направлением, важны и для эпистемной (научной) философии. Анализ этого уровня является предметом данной работы. Второй уровень – это уровень социального познания, которое с XIX в. получило значительную автономию и, соответственно, особые методологические потребности. Третий уровень конгруэнтен собственно консерватизму, поскольку многие трудности его сопоставления с другими социально-политическими идеологиями и социально-философскими теориями обусловлены методологически. Таким образом, здесь мы продолжаем исследование методологических проблем уяснения сущности консерватизма, не решая эту задачу окончательно, а скорее очерчивая ее контуры [2; 3].

Гносеологическая проблематика неразрывно связана с интеллектуальной историей Нового времени. Именно в этот период вопросы истинного познания и верного метода выходят на первый план философского мейнстрима. Идеал объективного рационального знания сделал науку недостижимой для любых других форм познания окружающего мира. Классическая рациональность не только не предполагала методологического плюрализма, но и напрямую запрещала его, культивируя все дисциплины по образцу математики, механики, физики. Впоследствии антиномии разума, неразрешимость многих проблем в рамках построения рациональных схем, проникновение в иррацио-

нальные глубины жизни способствовали эволюции науки в сторону признания субъективности познания на этапе неклассической рациональности и ценностного измерения постнеклассической науки [12; 13]. Нужно, однако, понимать, что века рационализма не могли не оставить неискоренимого следа в самом сердце науки, ведь она сама появилась именно как объективное и рациональное знание. Поэтому, несмотря на все усилия иррациональной философии, герменевтики, постмодернизма, ориентация на объективное знание и рациональную теорию остается значимой для большинства современных ученых. Многие исследователи приняли вызов релятивизма и выстраивают стратегию максимально достижимой рационалистической позиции [14, с. 344]. В то же время рациональный идеал науки оказал существенное влияние и на нашу повседневную жизнь, на обыденное знание. Поэтому чтобы признать постнеклассические признаки современной науки, воспитанному рационализмом разуму нужно прилагать значительные интеллектуальные усилия. До сих пор, в процессе конкретных исследований, большинство специально не рефлексизирующих методологию ученых остаются в рамках классической парадигмы [10]. Еще в большей степени это касается политиков, идеологов, политических консультантов.

На любое исследование, без сомнения, влияет общий дух эпохи, тот мировоззренческий фон, который может быть и незаметен без специального анализа, но который, безусловно, определяет любую интеллектуальную деятельность, начиная с уровня обыденного познания, наивной гносеологии до самых изощренных эпистемологических фантазий. Абсолютизация научного познания, рациональных форм знания и их распространение в массовом сознании сформировали мировоззрение повышенной критичности и самокритичности. Проект очищения сознания, разума, знания, с особой четкостью выраженный И. Кантом в его критический период, не свернут до сих пор. Современный ученый, философ, да и просто обыватель хотят во всем отдавать себе отчет. Важнейшей характеристикой современного этапа развития культуры, прежде всего западной цивилизации, стала ее «острая рефлексивность». В этом, несомненно, можно видеть уникальность нашего времени. Основные рефлексивные формы знания – философия и наука – в XX в. из элитарных превратились в массовые. Появился феномен посттеоретического знания [9], явления, противоположного отмеченному Г.-Г. Гадамером проникновению обыденного знания в научное, когда «массивная совокупность предрассудков, уходящих корнями в нашу жизненную практику, повседневность, глубокие языковые интуиции и т. п. на самом деле обеспечивают нас возможностью вообще что-либо изучать» [14, с. 343]. Выработанные в научных теориях концепты, термины, понятия проникают в повседневный мир, меняют язык повседневности, а соответственно и саму повседневность. Стиль научного мышления распространяется за пределы собственно научного дискурса, дотеоретический мир превращается в посттеоретический. Ясность рефлексии становится обязательным условием любого познания. Критической рефлексии подвергнуты не только все теории и гносеологические модели, не только исторические типы общества, государства, форм знания, но и сама эта рефлексия. Созданы кри-

тические анализы «всего», но и они сами также «отрефлексированы». Там, где это возможно, научные концепции были подтверждены или опровергнуты практикой, а полученные результаты вновь подвергнуты рефлексии. Такой ясности мысли не было ни в какие другие эпохи, но при этом периодически наше мышление признается замутненным, требующим нового прояснения, осознания, очищения. Любые утверждения опровергаются, к каждому тезису выдвигают антитезис, затем их противоречие снимают посредством диалектического синтеза, который, в свою очередь, вновь анализируется. XX в. с его авангардом, постмодерном, релятивистской физикой, теорией хаоса научился сомневаться во всем, попробовал и отверг все нормы, исследовал все виды методологии, преодолел всех философов древности и всех философов нового времени, которые до этого преодолели древних философов. Уже при создании новой теории ее начинают критически осмысливать и предполагать ее ложность. В XXI в. уже не звучит твердое «да», а только толерантное «возможно». Философа как свидетеля истины сменил философ-ученый, затем философ-профессор, философ-чиновник. «Главным патроном науки становилось государство. Оно видело в науке, прежде всего, средство для укрепления своей мощи и престижа. В XIX в. научно-исследовательская деятельность стала профессией, способом зарабатывания средств к существованию, а ученые получили статус служащих высокого ранга» [11, с. 153]. Чиновники существуют в мире регламентов и строгих правил, они следуют инструкциям, их свобода ограничена выбором между строго прописанными алгоритмами действий. Однако нужно помнить, что ученый, в отличие от чиновника или политика, – носитель двух идеологий (социальной и научной), причем научная для него должна оставаться приоритетной [1, с. 131–132], чего трудно добиться в условиях, когда ученый и служащий наделяются общими существенными признаками. Современная система высшего образования дает множество доказательств этому. Так, критерием успешности деятельности ученого-философа или преподавателя философии является составление программ, планов и отчетов, соответствующих государственным стандартам, а вовсе не результаты его размышлений и уж тем более не его обоснованная философская позиция.

Рефлексия над конкретной политикой затрудняет конкретное политическое действие, так как такое действие связано с конкретным интересом, а рефлексия подчиняет этот интерес теоретическим концепциям, которые носят абстрактный характер. Это в свою очередь приводит к тому, что социальный субъект, действуя во имя абстрактного интереса, наносит ущерб интересам собственным. Это создает систему политических действий во имя чужих интересов, а следовательно, постоянную неудовлетворенность собственной политикой для большинства, а возможно и для всех, социальных субъектов. Политика прямого интереса приводит к созданию компромисса при столкновении двух интересов, и этот компромисс понимается субъектом как единственная возможность достижения желаемого, ограниченная внешней силой (силой другого интереса). Разочарование здесь связано с тем, что собственная сила оказалась недостаточной, но виден четкий путь выхода из этой ситуации – путь наращивания силы. Теоретическая (рефлексивная) политика создает си-

туацию принятия компромисса при возможном недоиспользовании наличной силы: «Мы могли бы достигнуть большего, но, непонятно почему, мы этого не достигли». Ответом на это «почему» будет то, что наши возможности здесь определены не только рамками нашей силы, но и границами той политической теории, которую мы принимаем. Выходом из такого положения будет попытка использовать скрытые возможности посредством реформы, революции и других экстраординарных методов, но часто бывает, что скрытой является не сила, а иллюзия силы, и тогда реформу ждет крах. При политике прямого интереса аккумуляция силы носит постепенный, эволюционный характер – расширение производства, рост социального, трудового капитала и т. п. Иллюзии рефлексивной политики порождают искусственные конструкции, не обеспеченные ничем. Это еще сильнее раскачивает лодку всеобщей «политики чужих интересов».

Отмеченный вид рефлексии, а именно рефлексия над политикой, не является единственным в современном сверхрефлексивном мире. Этот вид поглощается более абстрактной формой рефлексии – рефлексией над историей. История, как известно, является не описанием исторического процесса, а лишь его интерпретацией, зависимой от многих субъективных факторов. Размышление над написанной историей должно восприниматься не как анализ реальных событий и реальных социально-политических концепций, а как осмысление исторических схем и теорий. Что приводит нас к еще большему уровню абстракции и удаленности от реального положения дел, от социальной жизни к рефлексии над историографией, в которую превращается и история, и социология, и философия. Все больше и больше интеллектуальных сил тратится в современном научном мире именно на изучение предшествующих нам концепций. «Гораздо больше труда уходит на перетолковывание толкований, чем на толкование самих вещей, и больше книг пишется о книгах, чем о каких-либо иных предметах; мы только и делаем, что составляем глоссы друг на друга» [8, с. 360]. Социальные философы осмысливают не общественную жизнь, а знания о ней. Эти знания и есть общество как эпистемологическая и социальная реальность одновременно. В этом смысле социальная реальность есть только интерпретация.

Итак, повторим это еще раз, научное и социально-философское осмысление социальной реальности все более и более превращается в историографию. По сути, большинство исследователей высказывают свое мнение по поводу ранее разработанных концепций общества, дают их рациональную критику, а не обращаются непосредственно к самой социальной жизни.

В рамках философии науки, в специальных работах по методологии, концепция смены типов научной рациональности от классической до постнеклассической является доминирующей [12; 13]. Движение здесь идет от приоритета объективности научного знания до признания субъективности любых научных концепций и их ценностного измерения. Процесс гуманитаризации естествознания проникает даже в те области, которые раньше были эталонами объективного знания. Менее строгая форма рациональности постнеклассического этапа позволяет считать приемлемыми в научном познании некоторые

иррациональные методы (например, эмоциональное понимание). По нашему мнению, этапы классической, неклассической и постнеклассической науки связаны не с эволюцией рационализма, который не может быть не строгим, а с проникновением в научную сферу нерациональных компонентов, с реабилитацией внерациональных методов познания. Для классического рационализма это шаг назад, вынужденное отклонение от «нормы». Бурное развитие знания о живой природе в XIX–XX вв. повлияло и на общие проблемы научной методологии. Жизнь как объект познания показала свою несводимость к чисто рациональному знанию, способствовала развитию концепции глобального эволюционизма, системного подхода, синергетики, учений о биосфере и ноосфере, соединению гносеологического конструктивизма с исследованиями живых организмов. Последнее привело к возникновению энактивизма как учения об отождествлении жизни и познания: «Живые системы являются когнитивными системами, и жизнь как процесс является процессом познания» [6, с. 97]. Неравновесность, сложность, эмерджентность, автопоэзность живых систем потребовали новых методов познания, несводимых к механически-схематическому рационализму. Все это породило оживленные споры о природе научного знания и дало возможность ослабить критериальные требования к науке. Что, в какой-то мере, сняло остроту поиска аподиктического знания, столь необходимого, с точки зрения классического рационализма, в фундаменте науки.

Широкое распространение классической рациональности, как ни парадоксально это звучит, стало одной из причин разочарования в способности человека получить истинное знание о мире. Релятивизм XX в. связан с тем, что рациональное познание, провозглашенное единственно верным, прямолинейно трактующее объективность знания, столкнулось с неразрешимыми парадоксами и антиномиями. Слабость «рацио» была приравнена к слабости процесса познания. Осознание их нетождественности дало новый импульс развития современной научной гносеологии: «Неправомерно отрывать ум (и сознание) от природы, рассматривая его как сверхприродное чудо, высокомерно смотрящее на мир и повелевающее ходом природных событий» [6, с. 100]. Если признать ценность внерационального знания и неэталонность классической науки, то позиции гносеологического скептицизма и агностицизма будут подорваны. Уже на уровне обыденного знания человек уверен, что обладает некоторыми объективными истинами, которые классическая рациональность считает лишь мнениями или, по крайней мере, знанием проблематическим. Для снятия противоречия между рациональной схемой и живым познанием Э. Гуссерль предлагал избрать обыденный, не стерилизованный наукой язык жизни: «Действительное возвращение к наивности жизни, осуществленное, правда, в рефлексии, поднимающейся над ней, – это единственно возможный путь преодоления философской наивности, воплощенной в “научности” традиционной объективистской философии» [4, с. 614]. В итоге было расширено поле приемлемых для науки методов и методологических принципов. Стала возможной сама дискуссия о равенстве различных методологических подходов и совмещении их по принципу дополнительности. Про-

тивопоставление научного и ненаучного теряет остроту, границы между этими формами знания приобретают эластичность. Эпистемная и валлоативная философии уже не кажутся противоположными, и исследователь получает все большую свободу в выборе средств и приемов освоения действительного мира.

Исторически классическая наука, строгий рационализм были связаны с либеральной идеологией Нового времени, они с самого начала входили в число существенных признаков либерализма, отделяя мировоззрение модерна от иррационализма Средневековья. В ситуации тотальной рефлексии любая социальная, политическая идея или идеология подвергаются рациональной экспертизе, пройти которую они могут только, если станут теориями. Но, помня о связи рационализма с либерализмом, можно утверждать, что рационализация социально-политических и социально-философских концепций является в какой-то мере их либерализацией. Попытки постижения общества вне либерального дискурса рассматриваются в современной европейской мысли как лишённые научной ценности оригинальные художественные тексты. Для того чтобы консервативную, социалистическую и любую другую нелиберальную концепцию приняли всерьёз, они должны соответствовать либеральным критериям, т. е. превратиться в определённые формы либерализма. Таким образом, нет непредвзятого научного исследования политических и социально-философских учений, поскольку наука смотрит через призму либеральной теории.

Консервативное мировоззрение, реализуя парадигму, методологию постнеклассической рациональности, предоставляет возможность избежать одностороннего либерального анализа социальной сферы, который все нелиберальное выносит за ценностные рамки. Поэтому переход к неклассической, а затем и к постнеклассической науке можно рассматривать как признание (пусть и частичное) методов познания эпохи до модерна. «Почему я утверждаю, что развитие энактивизма возвращает эпистемологию к своим основаниям, к собственным истокам? Потому что на первоначальных этапах развития культуры познающий субъект слит с миром, не отделен от него, его восприятия являются телесными» [6, с. 92].

Исследование консерватизма, таким образом, возможно только с учетом его специфического отношения к современной научной методологии. Постоянная забота о методологической стороне познания делает невозможным чисто политическое, историческое или социологическое изучение консерватизма и требует его социально-философского осмысления. Это объясняется тем, что даже язык текстов, написанных консерваторами, отличается от языка классической рациональности. Только современный, постнеклассический этап развития науки позволил ввести в рамки научного познания существенные методологические принципы, интенции и стратегии консерватизма. Определенным образом этот дрейф от классики к «постнеклассике» можно связать с трансформацией раннего (либерального, классического) капитализма в постинформационный («виртуальный») капитализм. Консервативный подход к анализу общества более лоялен к различным методам, формам знания, языкам изложения материала. Поскольку консерватор не заиклен на рациональной методологии, он не отворачивается от внерациональных методов познания, он

способен видеть ценное в трудах представителей философии жизни, экзистенциализма, постмодернизма, считать адекватными такие методы, как эмпатия, вчувствование, понимание, интуиция. Например, ему будут близки размышления Дильтея и Рорти о поэзии как о «сильной форме постижения жизни» [5, с. 235], поскольку «человеческая жизнь заключается в поэзии, а не просто в размышлении» [7, с. 299]. Отказ от строгих рамок классического (либерального) рационализма создает почву для диалога методологий. Таким образом, научные дискуссии о консерватизме стали возможными не только на чужом для него поле – поле классической науки, но и в более широком интеллектуальном пространстве, позволяющем учитывать его собственные методологические особенности.

Список литературы

1. Блюхер Ф. Н. «Время» в истории / Ф. Н. Блюхер // Философия науки. Вып. 6. – М. : ИФ РАН, 2000. – С. 110–134.
2. Григоров Е. В. Консервативная методология социально-философского исследования. Часть 1 / Е. В. Григоров // Философия права. – 2014. – № 4. – С. 39–44.
3. Григоров Е. В. Консервативная методология социально-философского исследования. Часть 2 / Е. В. Григоров // Философия права. – 2014. – № 5. – С. 38–41.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию / Э. Гуссерль // Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. – Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000. – 752 с.
5. История философии : учеб. для вузов / отв. ред. В. П. Кохановский, В. П. Яковлев. – Ростов н/Д : Феникс, 2001. – 576 с.
6. Князева Е. Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии / Е. Н. Князева // Вопр. философии. – 2013. – № 10. – С. 91–104.
7. Кохановский В. П. Философия науки в вопросах и ответах : учеб. пособие для аспирантов / В. П. Кохановский. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 352 с.
8. Монтень М. Опыты. В 3 кн. Кн. 3 / М. Монтень. – М. ; Л. : [б. и.], 1960. – 496 с.
9. Пржиленский В. И. Словарные статьи / В. Н. Пржиленский // Филос. науки. – 2010. – № 2. – С. 143–144.
10. Семенов Ю. И. О ценностях, оценках, истине и науке / Ю. И. Семенов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2014. – № 3. – С. 30–45.
11. Сокулер З. А. Э. Гуссерль о геометрической традиции: к смене парадигм в теории познания / З. А. Сокулер // Философия науки. Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей. – М. : ИФ РАН, 1999. – С. 127–163.
12. Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В. С. Степин // Вопр. философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.
13. Степин В. С. О методологических подходах к анализу социального знания / В. С. Степин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2014. – № 3. – С. 3–10.
14. Ушаков Е. В. Введение в философию и методологию науки : учебник / Е. В. Ушаков. – М. : Экзамен, 2005. – 528 с.

To the Problem of Socio-Philosophic Study of Conservatism in the Context of Modern Scientific Methodology

E. V. Grigorov

*Barnaul Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs
of the Russian Federation, Barnaul*

Abstract. The article is devoted to methodological problems of the study of conservatism connected with the proximity of classical scientific rationality and liberal ideology. The author believes that the study of conservatism and other non-liberal concepts leads to their liberalization. The author comes to the conclusion that modern post non-classical stage of science development gives the opportunity to enlarge the scope of acceptable methods of the conservatism study and to reflect its specific character better.

Keywords: methodology, classical and post-non-classical rationality, constructivism, conservatism, socio-philosophic cognition.

Григоров Евгений Валентинович
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории и философии
Барнаульский юридический институт
МВД России
656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49
тел.: 8(3852)242211
e-mail: grigorovev@mail.ru

Grigorov Evgrnyi Valentinovich
Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department of History
and Philosophy
Barnaul Law Institute of the Ministry of the
Internal Affairs of the Russian Federation
49, Chkalov st., Barnaul, 656038
tel.: 8(3852)242211
e-mail: grigorovev@mail.ru